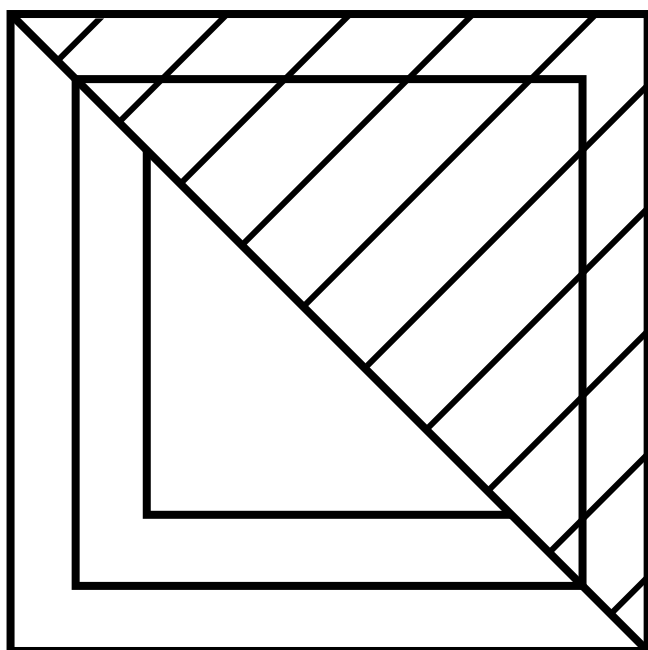

ИСТОРИЯ **ЗВУКА**

МАРК ФИШЕР

Призраки моей жизни

Тексты
о депрессии,
хонтологии
и утраченном
будущем

Новое
Литературное
Обозрение

Москва 2024

УДК 781.1
ББК 85.310,6
Ф68

Редактор серии
Евгений Былина

Фишер, М.
Ф68 Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / Марк Фишер; пер. с англ. М. Ермаковой. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-4448-2533-4

Марк Фишер (1968–2017) — известный британский культурный теоретик, эссеист, блогер, музыкальный критик. Известность пришла к нему благодаря работе «Капиталистический реализм», изданной в 2009 году в разгар всемирного финансового кризиса, а также блогу «k-Punk», где он подвергал беспощадной критической рефлексии события культурной, политической и социальной жизни. Помимо политической и культурной публицистики, Фишер сильно повлиял на музыкальную критику 2000-х, будучи постоянным автором главного интеллектуального музыкального журнала Британии «The Wire». Именно он ввел в широкий обиход понятие «хонтология», позаимствованное у Жака Деррида. Книга «Призраки моей жизни» вышла в 2014 году. Этот авторский сборник резюмирует все сюжеты интеллектуальных поисков Фишера: в нем он рассуждает о кризисе историчности, культурной ностальгии по несвершившемуся будущему, а также описывает напряжение между личным и политическим, эпицентром которого оказывается популярная музыка.

УДК 781.1
ББК 85.310,6

Copyright © Mark Fisher, 2013
Originally published in the UK by John Hunt Publishing Ltd
Published in 2020 under licence from John Hunt Publishing Ltd.
© М. Ермакова, перевод с английского, 2021
© А. Бондаренко, дизайнер серии, 2021
© ООО «Новое литературное обозрение», 2021; 2024

СОДЕРЖАНИЕ

00. УТРАЧЕННОЕ БУДУЩЕЕ

Медленная отмена будущего	9
Призраки моей жизни: Голди, Япон, Трики	36

01. ВОЗВРАЩЕНИЕ 70-Х

Больше не удовольствие: Joy Division	57
Игра Смайли: Шпион, выйди вон!	72
Прошлое — это другая планета. Первая и последняя серия «Жизни на Марсе»	84
«Может ли мир быть так печален, как кажется?»: Дэвид Пис и экранизации	88
Ну-ка, ну-ка: Джимми Сэвил и «суд над 70-ми»	96

02. ХОНТОЛОГИЯ

Лондон после рейва: Burial	105
Аннотация к альбому The Caretaker «Theoretically Pure Anterograde Amnesia»	117
Расстройство памяти: интервью с The Caretaker	121
Дом там, где бродит призрак: хонтология «Сияния»	129
Хонтологический блюз: Little Axe	137
Ностальгия по модернизму: The Focus Group и Belbury Poly	143
Боль ностальгии: The Advisory Circle	150
Чужие воспоминания: Asher, Филип Джек, Black To Comm, G.E.S., Position Normal, Mordant Music	154
«Старый солнечный свет из других времен и чужих жизней»: «Tiny Colour Movies» Джона Фокса	163
Электричество и призраки: интервью с Джоном Фоксом	171
Еще один серый мир: Darkstar, Джеймс Блейк, Канье Уэст, Дрейк и «хонтология вечеринок»	182

03. ОТТИСКИ В ПРОСТРАНСТВЕ

«Вечно тоскуем по времени, которое от нас ускользнуло» — Введение в «Savage Messiah» Лауры Олдфилд Форд	197
Номадалгия: «So This is Goodbye» от Junior Boys	207
Неясность: «Контент» Криса Пети	213
Постмодернистский антиквариат: «Терпение (по Зебальду)»	216
Потерянное бессознательное: «Начало» Кристофера Нолана	222
«Песни Хэндсворта» и беспорядки в Англии	235
«Дрожь неуловимого будущего»: «Робинзон в руинах» Патрика Кейллера	239

*Моей жене Зоэ
и моему сыну Джорджу*

00.

Утраченное
будущее

В последнее время я чувствую себя
как Гай Пирс в фильме «Помни»
— Дрейк

МЕДЛЕННАЯ ОТМЕНА БУДУЩЕГО

Здесь больше нет времени.

«Сапфир и Сталь»

9

Финальная сцена британского телесериала «Сапфир и Сталь» снята будто нарочно, чтобы тревожить умы подростков того времени. Два главных героя в исполнении Джоанны Ламли и Дэвида Маккаллума оказываются в типичном придорожном кафе 1940-х годов. По радио играет легкий джаз в духе оркестра Гленна Миллера. За соседним столиком сидит еще одна пара: мужчина и женщина, одетые по моде 1940-х. Женщина встает и произносит: «Это ловушка. Это место — нигде, и это навсегда». После этого они со спутником исчезают, оставляя в воздухе лишь свои очертания, а вскоре пропадают и те. Сапфир¹ и Сталь паникуют. Они ищут в кафе хоть что-нибудь, что поможет им выбраться, — но не находят. Отдернув занавески, они видят за окном только звезды в черной пустоте. Похоже, что кафе — это своего рода капсула, плавающая в глубоком космосе.

Сегодня эта удивительная сцена, в которой совмещены кафе и космос, заставит представить что-то вроде сочетания Эдварда Хоппера и Рене Магритта. Ни одна из этих отсылок не была мне доступна в то время. На самом деле, когда я позднее познакомился с работами Хоппера и Магритта, они, несомненно, напомнили мне о «Сапфир

¹ Сапфир — имя женского персонажа и в русском языке склоняться не будет. — *Примеч. пер.*

и Стали». В августе 1982-го мне только-только исполнилось 15 лет. Прошло более 20 лет, прежде чем я увидел эти кадры вновь. К тому времени, благодаря видеокассетам, DVD-дискам и YouTube, буквально всё можно было найти и посмотреть заново. В эпоху цифровой памяти потеряна сама возможность что-либо потерять.

По прошествии 30 лет «Сапфир и Сталь» выглядит еще более странно, чем в годы выхода. Это научно-фантастический сериал, лишенный всех традиционных атрибутов жанра: никаких космических кораблей, бластеров или антропоморфных пришельцев — только разворачивающаяся материя коридора времени, по которому ползают злонравные существа, расширяющие трещины и разрывы в темпоральной протяженности. О Сапфир и Стали нам известно только то, что они какие-то особые «детективы», возможно с другой планеты, и их прислало некое загадочное «агентство», чтобы устранять прорехи во времени.

Идея «Сапфир и Стали», — объясняет создатель сериала Питер Дж. Хаммонд, — родилась из моего желания написать детективную историю и включить в нее концепцию Времени. Идея Времени всегда интересовала меня, особенно в изложении Джона Бойтона Пристли и Герберта Уэллса, но сам я хотел раскрыть ее по-другому. У меня герои не путешествуют вперед и назад во Времени — вместо этого Время прорывается к ним. Создав такой прецедент, я осознал весь потенциал, заложенный в истории о двоих людях, чьей работой является не допустить временного вторжения.

Ранее Хаммонд писал сценарии к таким полицейским драмам, как «Мягкое прикосновение» и «Хантерз Уолк» («Hunter's Walk»), а также к детским фэнтезийным шоу «Туз Жезлов» («Ace of Wands») и «Драмарама». Работая над «Сапфир и Сталью», он достиг такой степени авторской свободы, какой уже не сможет добиться в будущем. Условия для появления на ТВ подобных визионерских вещей исчезли уже в 80-х, когда британские СМИ захватило то, что сценарист Деннис Поттер назвал «оккупационными силами» неоллиберализма. В результате этой оккупации сейчас трудно поверить, что подобного рода программу когда-то могли показывать в прайм-тайм, да еще и по единственному коммерческому

каналу Великобритании, ITV. Тогда в Британии было всего три телеканала: BBC One, BBC Two и ITV¹; Channel 4 начнет свое вещание только несколько месяцев спустя.

По сравнению с уровнем, заданным «Звездными войнами», «Сапфир и Сталь» выглядел очень дешево и сердито. Даже для 1982 года спецэффекты в сериале не казались убедительными. Минимализм в декорациях и малое количество актеров («задания» зачастую включали только Ламли, Маккалума и еще пару человек) создавали впечатление театральной постановки. Тем не менее там не было обыденности, характерной для драматургии кухонной мойки². Скорее, в «Сапфир и Сталь» было что-то от гнетущей загадочности, присущей пьесам Гарольда Пинтера, которые часто крутили по BBC в 70-х годах.

С точки зрения XXI века некоторые вещи в сериале особенно поражают. Во-первых, это полнейший отказ *идти навстречу публике*, к чему мы так привыкли в наши дни. Отчасти это обусловлено самой идеей сериала: загадочный мир и сюжеты «Сапфир и Сталь» никогда не раскрываются полностью — и тем более не объясняются. У сериала больше общего с экранизациями романов Джона Ле Карре о Джордже Смайли («Шпион, выйди вон!» транслировался на BBC в 1979-м, а его сиквел «Команда Смайли» выйдет в эфир через месяц после окончания «Сапфир и Сталь»), чем со «Звездными войнами». Во-вторых, интересен эмоциональный диапазон: в сериале в целом и в главных героях в частности нет ни грамма тепла и искрометного юмора, которых мы по умолчанию ожидаем от развлекательных медиа. Сталь в исполнении Маккалума с безразличием технического специалиста относится к людям, с которыми ему придется иметь дело; будучи человеком долга, он вместе с тем вспыльчив и нетерпелив, его часто раздражает то, как люди «захламляют свою жизнь». Сапфир в исполнении Ламли кажется более отзывчивой, но ее проявления привязанности

1 Здесь и далее названия иностранных медиа даются на языке оригинала во избежание возможной путаницы из-за замены латиницы кириллицей. — *Примеч. ред.*

2 «Kitchen sink realism» — термин из обихода британской литературной и театральной критики конца 1950-х — середины 1960-х годов. Так называли произведения, в основном пьесы, с приземленными, бытовыми сюжетами из повседневной жизни преимущественно рабочего класса. — *Примеч. ред.*

к людям подозрительно напоминают умиленное отношение хозяина к домашним зверушкам. Эмоциональная сдержанность, присущая сериалу с самого начала, приобретает явственно пессимистичный оттенок именно на последнем задании. Параллели с Ле Карре проступают четче на фоне подозрения, что, прямо как в «Шпион, выйди вон!», здесь главных героев предали их же соратники.

В-третьих, саундтрек Сирила Орнадела. Как Ник Эдвардс объяснил в своем блоге в 2009 году, саундтрек «включал партии для небольшого числа инструментов (в основном деревянных духовых) с добавлением электронных эффектов (кольцевой модуляции, эхо/дилея) для усиления драмы и намек на хоррор. Запоминающиеся, леденящие кровь музыкальные темы Орнадела не похожи на то, что мы привыкли слышать в популярных сериалах сегодня»¹.

Одной из задач «Сапфир и Стали» было перенести истории о привидениях из контекста Викторианской эпохи в современные пространства, все еще заселенные или недавно покинутые. Последнее задание приводит Сапфир и Сталь в небольшой придорожный автосервис. На окнах и стенах гаража и прилегающего к нему кафе видны логотипы компаний Access, 7 Up, Castrol GTX, Louis Vuitton. Это «промежуточное место» — прототип того, что в 1995 году антрополог Марк Оже назовет в своей книге «не-местами»: общественные проходные зоны (торговые центры, аэропорты), которые все больше доминируют в условиях позднего капитализма. Сказать по правде, скромный автосервис, показанный в «Сапфир и Стали», — образчик затейливой оригинальности по сравнению с безликими штамповками, которые расплодятся вдоль шоссе в течение следующих 30 лет.

Проблема, которую должны решить Сапфир и Сталь, конечно же связана со временем. Через временную прореху в автосервис просачиваются события прошлого: сцены и образы из 1925-го и 1948-го сменяют друг друга, о чем Серебро, коллега Сапфир и Стали, говорит так: «Время перепуталось, смешалось в беспорядке и не поддается логике». В течение всего сериала анахронизм, смешение отдельных временных периодов друг с другом было явным симптомом

¹ Edwards N. Sapphire & Steel. URL: <http://gutterbreakz.blogspot.com/2009/05/sapphire-steel.html>.

разрушающегося времени. В одном из предыдущих заданий Сталь жаловался, что временные аномалии возникают из-за привычки людей складывать вместе артефакты из разных эпох. В этом последнем задании анахронизм приводит к стазису: время останавливается. Автосервис находится «во временном кармане, в вакууме». На дорогах «все еще есть движение, но машины никуда не едут»: дорожный шум—это закольцованный звуковой фрагмент. Серебро говорит: «Здесь больше нет времени». Вся эта ситуация будто живое воплощение строк из пьесы Пинтера «На безлюдье»: «Вы на безлюдье. Там все недвижно, там нет перемен, и возраста нет, и все пребывает вовеки в оледенелом безмолвии»¹. Хаммонд говорил, что изначально не собирался завершать историю так, он рассматривал возможность вернуться к сериалу после перерыва. Но возвращения не случилось—по крайней мере, на телевидение. В 2004 году сериал «Сапфир и Сталь» стал выходить в аудиоформате, без участия Хаммонда, Маккалума и Ламли. К тому моменту аудиторией сериала была уже не широкая телевизионная публика, а узкий круг людей, обслужить интересы которых в цифровую эпоху не составляет труда. Сапфир и Сталь навечно останутся в ловушке; причина их несчастья, равно как и их происхождение, так и останется для нас загадкой. Их заточение в этом кафе из ниоткуда как бы предвещает общее состояние культуры, когда жизнь продолжается, но время остановилось.

Медленная отмена будущего

Основной тезис этой книги состоит в том, что в культуре XXI века прослеживаются тот же анахронизм и та же инертность, с которыми столкнулись Сапфир и Сталь в своем последнем приключении. Но застой этот скрыт под поверхностным слоем остервенелой тяги к «новизне», заслонен иллюзией беспрестанного движения. Никто не обращает внимания на «временную мешанину»; склейка фрагментов прошлых эпох—явление столь повсеместное, что его никто уже не замечает.

¹ Пинтер Г. Коллекция: пьесы. СПб.: Амфора, 2006. С. 410.